

ПЕРВАЯ БИБЛИОТЕЧКА ШКОЛЬНИКА

БОРИС ЖИТКОВ

МАНГУСТА

ДЕТГИЗ 1948

ПЕРВАЯ БИБЛИОТЕЧКА ШКОЛЬНИКА

БОРИС ЖИТКОВ

МАНГУСТА

Рисунки А. Лаптева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва 1948 Ленинград

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва,
М. Черкасский пер., д. 1. Детгиз.*

МАНГУСТА

Я очень хотел, чтобы у меня была настоящая живая мангуста. Своя собственная. И я решил: когда наш пароход придет на остров Цейлон, я куплю себе мангусту и отдам все деньги, сколько ни спросят.

И вот наш пароход у острова Цейлона. Я хотел скорей бежать на берег, скорей найти, где

они продаются, эти зверьки. И вдруг к нам на пароход приходит черный человек (тамошние люди все черные), и все товарищи его обступили, толпятся, смеются, шумят. И кто-то крикнул: «Мангусты!» Я бросился, всех растолкал и вижу — у черного человека в руках клетка, а в ней серые зверьки. Я так боялся, чтоб кто-нибудь не перехватил, что закричал прямо в лицо этому человеку:

— Сколько?

Он даже испугался сначала: так я крикнул. Потом понял, показал три пальца и сунул мне в руки клетку. Значит, всего три рубля, с клеткой вместе, и не одна, а две мангусты! Я сейчас же расплатился и перевел дух: я совсем запыхался от радости. Так обрадовался, что забыл спросить этого черного человека, чем кормить мангуст, ручные они или дикие. А вдруг они кусаются? Я спохватился, побежал за человеком, но его уж и след простыл. Я решил сам узнать, кусаются мангусты или нет. Я просунул палец через прутья клетки. И просунуть-то не успел, как уж готово — мой палец схватили. Схватили маленькие лапки, цепкие, с коготками. Быстро-быстро кусает

мангуста меня за палец. Но совсем не больно: это она нарочно, так, играет. А другая забилась в угол клетки и глядит искоса своим черным блестящим глазом.

Мне скорей захотелось взять на руки, погладить эту, что кусает только для шутки. И только я приоткрыл клетку, эта самая мангуста — юрк! — и уж побежала по каюте. Она суетилась, бегала по полу, все нюхала и крикала: крик! крик! — как будто ворона. Я хотел ее поймать, нагнулся, протянул руку, и вмиг мангуста мелькнула мимо моей руки, и уже в рукаве. Я поднял руку, и готово: мангуста уж за пазухой. Она выглянула из-за пазухи, крикнула весело и снова спряталась. И вот слышу, она уж подмышкой, и пробирается в другой рукав, и выскочила из другого рукава на волю. Я хотел ее погладить и только поднес руку, как вдруг мангуста подскочила вверх сразу на всех четырех лапах, как будто под каждой лапой пружинка. Я даже руку отдернул, будто от выстрела. А мангуста снизу глянула на меня веселыми глазками и снова: крик! И смотрю, уж сама на колени ко мне взобралась и тут свои фокусы показывает: то свернется, то вмиг распра-

вится, то хвост трубой, то вдруг голову просунет меж задних ног. Она так ласково, так весело со мной играла, а тут вдруг постучали в каюту и вызвали меня на работу.

Надо было погрузить на палубу штук пятнадцать огромных стволов каких-то индийских деревьев. Они были корявые, с обломанными сучьями, дуплистые, толщенные, в коре, как были, — из лесу. Но с отпиленного конца видно было, какие они внутри красивые — розовые, красные, совсем черные.

Мы клали их горкой на палубу и накрепко укручивали цепями, чтобы в море не разболталось. Я работал, а сам все думал: «Что там мои мангусты? Ведь я им ничего поесть не оставил». Я спрашивал черных грузчиков, что пришли с берега, не знают ли они, чем кормить мангусту, но они ничего не понимали и только улыбались. А наши говорили:

— Давай, что попало; она сама разберет, что ей надо.

Я выпросил у повара мяса, купил бананов, притащил хлеба, блюдо молока. Все это поставил посреди каюты и открыл клетку. Сам залез

на койку и стал глядеть. Из клетки выскочила дикая мангуста, и они вместе с ручной прямо бросились на мясо. Они рвали его зубами, крикали и урчали, лакали молоко. Потом ручная ухватила банан и потащила его в угол. Дикая прыг! — и уж рядом с ней. Я хотел поглядеть, что будет, соскочил с койки, но уж поздно: мангусты бежали назад. Они облизывали мордочки, а от банана остались, как тряпочки, на полу одни шкурки.

Наутро мы были уж в море. Я всю свою каюту увесил гирляндами бананов. Они на веревочках качались под потолком. Это для мангуст. Я буду давать понемногу: надолго хватит. Я выпустил ручную мангусту, и она теперь бегала по мне, а я лежал, полузакрыв глаза и недвижно.

Гляжу, мангуста прыгнула на полку, где были книги. Вот она перелезла на раму круглого парового окна. Рама вихлялась — пароход слегка качало. Мангуста крепче примостилась, глянула вниз на меня. Я притаился. Мангуста толкнула лапой в стенку, и рама поехала вбок. И в тот самый миг, когда рама была против банана, мангуста рванулась, прыгнула и обеими лапками ухватила банан. Она повисла на момент в воздухе под са-

мым потолком. Но банан оторвался, и мангуста шлепнулась об пол. Нет! Шлепнулся-то банан. Мангуста прыгнула на все четыре лапки. Я привскочил поглядеть. Но мангуста уж возилась под койкой. Через минуту она вышла с замазанной мордой. Она побрякивала от удовольствия.

Эге! Пришлось перевесить бананы к самой середине каюты: мангуста уж пробовала по полотенцу вскарабкаться повыше. Лазала она, как обезьяна; у ней лапки, как ручки: цепкие, ловкие, проворные. Она совсем меня не боялась. Я выпустил ее на палубу погулять на солнце. Она сразу по-хозяйски все обнюхала и бегала по палубе так, будто она и сроду нигде больше не была и тут ее дом.

Но на пароходе у нас был свой давнишний хозяин на палубе. Нет, не капитан, а кот. Громадный, откормленный, в медном ошейнике. Он важно ходил по палубе, когда было сухо. Сухо было и в этот день. И солнце поднялось над самой мачтой. Кот вышел из кухни поглядеть, все ли в порядке. Он увидел мангусту и быстро пошел, а потом начал осторожно красться. Он шел по железной трубе. Она тянулась по палубе. Как раз у этой

трубы суежилась мангуста. Она как будто и не видела кота. А кот был уже совсем над нею. Ему оставалось только протянуть лапу, чтобы вцепиться когтями ей в спину. Он выжидал, чтоб поудобней.

Я сразу сообразил, что сейчас будет. Мангуста не видит, она спиной к коту, она разнюхивает палубу как ни в чем не бывало. Я бросился бегом. Но я не добежал. Кот протянул лапу, и в тот же миг мангуста просунула голову меж задних лап, разинула пасть, громко каркнула, а хвост — громадный, пушистый хвост — поставила вверх столбом, и он стал, как ламповый ежик, что чистят стекла. В одно мгновение она обратилась в непонятное, невиданное чудище. Кота отбросило назад, как от каленого железа. Он сразу повернул и, задрав хвост палкой, понесся прочь без оглядки. А мангуста как ни в чем не бывало снова суежилась и что-то разнюхивала на палубе. Но с тех пор красавца-кота редко кто видел. Мангуста на палубе — и кота не сыщешь. Его звали и «кис-кис!» и «Васенька!», повар его мясом приманивал, но кота найти нельзя было, хоть обыщи весь пароход. Зато у кухни теперь вертелись мангустаны;

они крикали, требовали от повара мяса. Бедный Васенька только по ночам пробирался к повару в каюту, и повар его подкармливал. Ночью, когда мангусты были в клетке, наступало Васькино время.

Но вот раз ночью я проснулся от крика на палубе. Тревожно, испуганно кричали люди. Я быстро оделся и выбежал. Кочегар Федор кричал, что сейчас идет он с вахты и вот из этих самых индийских деревьев, вот из этой груды, выползла змея и сейчас же назад спряталась. Что змея — во! В руку толщиной, чуть ли не две сажени длиной. И вот даже на него сунулась. Никто не верил Федору, но все же на индийские деревья поглядывали с опаской. А вдруг и вправду змея? Ну, не в руку толщиной, а ну как ядовитая? Вот и ходи тут ночью! Кто-то сказал: «Они тепло любят, они людям в койки заползают». Все примолкли. Вдруг все повернулись ко мне.

— А ну, зверюшек сюда, мангустов ваших! А ну, пускай они!..

Я боялся, чтоб ночью не убежала дикая. Но думать было некогда. Уже кто-то сбегал ко мне в каюту и уж нес сюда клетку. Я открыл ее около

самой груды, где кончались деревья и видны были черные ходы между стволами. Кто-то зажег электрическую люстру. Я видел, как первой юркнула в черный проход ручная и следом за ней — дикая. Я боялся, что им прищемит лапки или хвост среди этих тяжелых бревен. Но уже было поздно: обе мангусты ушли туда.

— Неси лом! — крикнул кто-то.

А Федор уж стоял с топором. Потом все при-
молкли и стали слушать. Но ничего не слышно было. Вдруг кто-то крикнул:

— Гляди, гляди! Хвост!

Федор замахнулся топором; другие отступили дальше. Я схватил Федора за руку. Он с перепугу чуть не хватил топором по хвосту — хвост был не змеи, а мангусты. Он то высовывался, то снова втягивался. Потом показались задние лапки. Лапки цеплялись за дерево. Видно, что-то тянуло мангусту назад.

— Помоги кто-нибудь! Видишь, ей не по силам! — крикнул Федор.

Никто не помогал, а все попятились назад. Даже Федор с топором. Вдруг мангуста изловчилась — видно было, как она вся извивалась,

цепляясь за колоды. Она рванулась и вытянула за собой змеинный хвост. Хвост мотнулся; он вскинул вверх мангусту и брякнул ее о палубу.

Но моя мангуста — это была дикая — мигом вскочила на лапы. Она держала змею за хвост, она впилась в нее своими острыми зубками. Змея сжималась, тянула дикую снова в черный проход. Но дикая упиралась всеми лапками и вытягивала змею все больше и больше. Змея была толщиной в два пальца, и она била хвостом о палубу, как плетью, а на конце держалась мангуста, и ее бросало из стороны в сторону. Я хотел обрубить этот хвост, но Федор куда-то скрылся вместе с топором. Его звали, но он не откликался. Все в страхе ждали, когда появится змеинная голова. Сейчас уж конец, и вырвется наружу вся змея. Это что? Это не змеинная голова, это мангустина! И вот и ручная прыгнула на палубу: она впилась в змею сбоку. Змея извивалась, рвалась; она стучала мангустами по палубе, а они держались, как пиявки. Вдруг кто-то крикнул:

— Бей! — И ударил ломом по змее.

Все бросились и кто чем стали молотить. Я боялся, что в переполохе убьют мангуст. Я ото-

рвал от хвоста дикую. Она была в такой злобе, что укусила меня за руку; она рвалась и царапалась. Я сорвал с себя шапку и завернул ей морду. Ручную оторвал мой товарищ. Мы усадили их в клетку. Они кричали и рвались, хватали зубами решетку. Я кинул им кусочек мяса, но они и внимания не обратили. Я потушил в каюте свет и пошел прижечь иодом покусанные руки. А там, на палубе, все еще колотили змею.

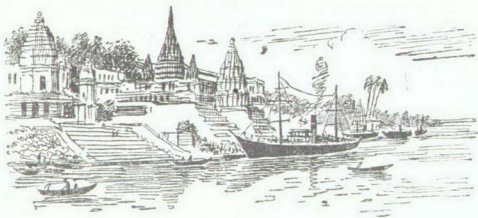
С этих пор все стали очень любить моих мангуст и таскали им поесть что у кого было. Ручная перезнакомилась со всеми, и ее под вечер трудно было дозваться: вечно гостит у кого-нибудь. Она бойко лазала по снастям. И раз под вечер, когда уже зажгли электричество, мангуста полезла на мачту по канатам, что шли от борта. Все любовались на ее ловкость, глядели, задрав головы. Но вот канат дошел до мачты. Дальше шло голое, скользкое дерево. Но мангуста извернулась всем телом и ухватила за медные трубки. Они шли вдоль мачты. В них — электрические провода к фонарю наверху. Мангуста быстро полезла еще выше. Все внизу захлопали в ладоши. Электротехник крикнул:

— Там дальше провода голые! — И побежал тушить электричество.

Но мангуста уже схватилась лапками за голые провода. Ее ударило электрическим током, и она упала с высоты вниз. Ее подхватили, но она была недвижна.

Я остался с одной дикой. Она скоро приручилась, но я уж не выпускал ее на палубу бегать одну и, чуть что, запирал ее в каюте. Она очень ко мне привыкла, и я привез ее к себе домой.

ПРО СЛОНА

Мы подходили на пароходе к Индии. Утром должны были притти. Я сменился с вахты, устал и никак не мог заснуть: все думал, как там будет. Вот как если б мне в детстве целый ящик игрушек принесли, и только завтра можно его распаковать. Все думал: вот утром сразу открою глаза, и индусы, черные, заходят вокруг, забормочут непонятно, не то что на картинке. Бананы прямо на кусте, город новый — все зашевелится, заиграет. И слоны! Главное, слонов мне хотелось посмотреть. Все не верилось, что они там не так, как

в зоологическом, а запросто ходят, возят: по улице вдруг такая громада прет!

Заснуть не мог, прямо ноги от нетерпения чесались. Ведь это, знаете, когда сушей едешь, совсем не то: видишь, как все постепенно меняется. А тут две недели океан — вода и вода, и сразу новая страна. Как занавес в театре подняли.

Наутро затопали на палубе, загудели. Я бросился к иллюминатору, к окну, — готово: город белый на берегу стоит; порт, суда, около борта шлюпки; в них черные люди в белых чалмах, — зубы блестят, кричат что-то; солнце светит со всей силы, жмет, кажется — светом давит. Тут я как с ума сошел, задохнулся прямо: как будто я — не я, и все это сказка. Есть ничего с утра не хотел. Товарищи дорогие, я за вас по две вахты в море стоять буду — на берег отпустите скорей!

Выскочили вдвоем на берег. В порту, в городе все бурлит, кипит, народ толчется, а мы — как оголтелые и не знаем, что смотреть, и не идем, а будто нас что несет (да и после моря по берегу всегда странно ходить). Смотрим — трамвай. Сели в трамвай, сами толком не знаем, зачем едем, лишь бы дальше — очумели прямо. Трамвай нас

мчит, мы глазеем по сторонам и не заметили, как выехали на окраину. Дальше не идет. Вылезли. Дорога. Пошли по дороге. Придем куда-нибудь!

Тут мы немного успокоились и заметили, что здорово жарко. Солнце над самой маковкой стоит; тень от тебя не ложится, а вся тень под тобой: идешь и тень свою топчешь.

Порядочно уже прошли, уж людей не стало встречаться, смотрим — навстречу слон. С ним четверо ребят, бегут рядом по дороге. Я прямо глазам не поверил: в городе ни одного не видали, а тут запросто идет по дороге. Мне казалось, что из зоологического вырвался. Слон нас увидел и остановился. Нам жутковато стало: больших при нем никого нет, ребята одни. А кто его знает, что у него на уме? Мотанет раз хоботом — и готово.

А слон, наверно, про нас так думал: идут какие-то необыкновенные, неизвестные — кто их знает? И стал. Сейчас хобот загнул крючком, мальчишка старший стал на крюк на этот, как на подножку, рукой за хобот придерживается, и слон его осторожно отправил себе на голову. Тот там уселся между ушами, как на столе. Потом слон тем же порядком отправил еще двоих

сразу, а третий был маленький, лет четырех, должно быть, — на нем только рубашонка была коротенькая, вроде лифчика. Слон ему подставляет хобот — иди, мол, садись. А он выкрутасы разные делает, хохочет, убегает. Старший кричит ему сверху, а он скачет и дразнит — не возьмешь, мол. Слон не стал ждать, опустил хобот и пошел — сделал вид, что он на его фокусы и смотреть не хочет. Идет, хоботом мерно покачивает, а мальчишка вьется около ног, кривляется. И как раз, когда он ничего не ждал, слон вдруг хоботом цап! Да так ловко! Поймал его за рубашонку сзади и подымает вверх осторожно. Тот руками, ногами, как жучок. Нет уж! Никаких тебе. Поднял слон, осторожно опустил себе на голову, а там ребята его приняли. Он там, на слоне, все еще воевать пробовал.

Мы поровнялись, идем стороной дороги, а слон — с другого бока и на нас внимательно и осторожно глядит. А ребята тоже на нас пялятся и шепчутся меж собой. Сидят, как на крыше.

«Вот, — думаю, — здорово! Им нечего там бояться. Если б и тигр попался навстречу, слон тигра поймает, схватит хоботищем поперек живо-

та, сдавит, швырнет выше дерева и, если на клыки не подцепит, все равно будет ногами топтать, пока в лепешку не растопчет».

А тут мальчишку взял, как козявку двумя пальчиками: осторожно и бережно.

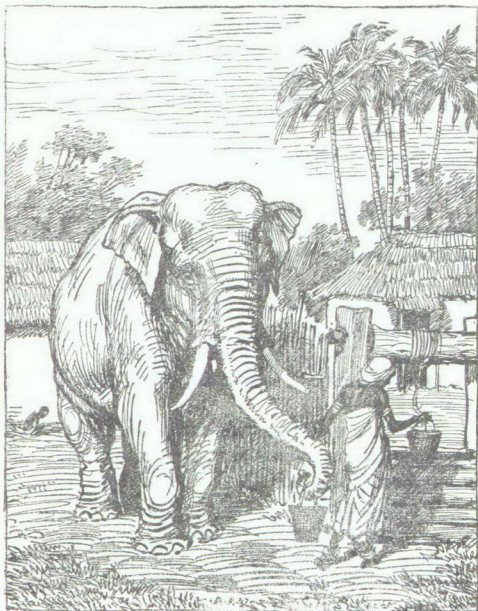
Слон прошел мимо нас; смотрим, сворачивает с дороги и попер в кусты. Кусты плотные, колючие, стеной растут. А он через них, как через бурьян — только ветки похрустывают, — перелез и пошел к лесу. Остановился около дерева, взял хоботом ветку и пригнул ребятам. Те сейчас же повскакали на ноги, схватились за ветку и что-то с нее обирают. А маленький подскакивает, старается тоже себе ухватить, возится, будто он не на слоне, а на земле стоит. Слон пустил ветку и другую пригнул. Опять та же история. Тут уж маленький совсем, видно, в роль вошел: совсем залез на эту ветку, чтоб ему тоже досталось, и работает. Все кончили, слон пустил ветку, а маленький-то, смотрим, так и полетел с веткой. Ну, думаем, пропал — полетел теперь, как пуля, в лес. Бросились мы туда. Да нет, куда там! Не пролезть через кусты: колючие, и густые, и путанные. Смотрим, слон в листьях хоботом шарит. На-

щупал этого маленького — он там, видно, обезьянкой уцепился, — достал его и посадил на место. Потом слон вышел на дорогу впереди нас и пошел обратно. Мы за ним. Он идет и по временам оглядывается, на нас косится: чего, мол, сзади идут какие-то?

Так мы за слоном пришли к дому. Вокруг плетень. Слон отворил хоботом калиточку и осторожно просунулся во двор; там ребят спустил на землю. Во дворе индуска на него начала кричать чего-то. Нас она сразу не заметила. А мы стоим, через плетень смотрим.

Индуска орет на слона. Слон нехотя повернулся и пошел к колодцу. У колодца вырыты два столба, и между ними вьюшка; на ней веревка намотана, и ручка сбоку. Смотрим, слон взялся хоботом за ручку и стал вертеть; вертит, как будто пустую, вытащил — целая бадья там на веревке, ведер десять. Слон уперся корнем хобота в ручку, чтобы не вертелась, изогнул хобот, подцепил бадью и, как кружку с водой, поставил на борт колодца. Хозяйка набрала воды, ребят тоже заставила таскать — она как раз стирала. Слон опять бадью спустил и полную выкрутил наверх.

Хозяйка опять его начала ругать. Слон пустил бадью в колодец, потрянул ушами и пошел прочь — не стал воду больше доставать, пошел под навес. А там в углу двора на хлебных столбиках навес был устроен, только-только слону под него подлезть. Сверху камыш накидан и какие-то листья длинные.

Тут как раз индус, сам хозяин. Увидал нас. Мы говорим — слона пришли смотреть. Хозяин немного знал по-английски. Спросил, кто мы; все на мою русскую фуражку показывает. Я говорю — русские. А он и не знал, что такое русские.

— Не англичане?

— Нет, — говорю, — не англичане.

Он обрадовался, засмеялся, сразу другой стал; позвал к себе.

А индусы англичан терпеть не могут: англичане давно их страну завоевали, распоряжаются там и индусов у себя под пяткой держат.

Я спрашиваю:

— Чего это слон не выходит?

— А это он, — говорит, — обиделся, и, значит, не зря. Теперь нипочем работать не станет, пока не отойдет.

Смотрим, слон вышел из-под навеса, в калитку — и прочь со двора. Думаем, теперь совсем уйдет. А индус смеется. Слон пошел к дереву, оперся боком и ну тереться! Дерево здоровое — прямо все ходуном ходит. Это он чешется так вот, как свинья об забор.

Почесался, набрал пыли в хобот и туда, где чесал, пылью, землей как дунет! Раз, и еще, и еще... это он прочищает, чтобы не заводилось ничего в складках: вся кожа у него твердая, как подошва, а в складках — потоньше, а в южных странах всяких насекомых кусачих масса.

Ведь смотрите, какой: об столбики в сарае не чешется, чтобы не развалить, осторожно даже пробирается туда, а чесаться ходит к дереву. Я говорю индусу:

— Какой он у тебя умный!

А он хохочет.

— Ну, — говорит, — если бы я полтора-два года прожил, не тому еще выучился бы. А он, — показывает на слона, — моего деда нянчил.

Я глянул на слона — мне показалось, что не индус тут хозяин, а слон, слон тут самый главный.

Я говорю:

— Старый он у тебя?

— Нет, — говорит, — ему полтора года лет, он в самой поре! Вон у меня слоненок есть, его сын, — двадцать лет ему, совсем ребенок. К сорока годам в силу только входить начинает. Вот погодите, придет слониха, увидите: он маленький.

Пришла слониха и с ней слоненок — с лошадь величиной, без клыков; он за матерью, как жеребенок, шел.

Ребята индусовы бросились матери помогать, стали прыгать, куда-то собираться. Слон тоже пошел; слониха и слоненок — с ними. Индус объясняет, что на речку. Мы тоже с ребятами.

Они нас не дичились. Все пробовали говорить — они по-своему, мы по-русски — и хохотали всю дорогу. Маленький больше всех к нам приставал: все мою фуражку надевал и что-то кричал смешное — может быть, про нас.

Воздух в лесу пахучий, пряный, густой.

Шли лесом. Пришли к реке.

Не река, а поток — быстрый, так и мчит, так берег и гложет. К воде обрывчик в аршин. Слоны вошли в воду, взяли с собой слоненка. Постави-

ли, где ему по грудь вода, и стали его вдвоем мыть. Наберут со дна песку с водой в хобот и, как из кишки, его поливают. Здорово так, только брызги летят.

А ребята боятся в воду лезть: больно уж быстрое течение, унесет. Скачут на берегу и давай в слона камешками кидать. Ему нипочем, он даже внимания не обращает — все своего слоненка моет. Потом, смотрю, набрал в хобот воды и вдруг как повернет на мальчишек и одному прямо в пузо как дунет струей! Тот так и сел. Хохочет — заливается.

Слон опять своего мыть. А ребята еще пуще камешками его донимать. Слон только ушами трясет: не приставайте, мол, видите, некогда баловаться! И как раз, когда мальчишки не ждали, думали — он водой на слоненка дунет, он сразу хобот повернул да в них. Те рады, кувыркаются.

Слон вышел на берег; слоненок ему хобот протянул, как руку. Слон заплел свой хобот об его и помог ему на обрывчик вылезть.

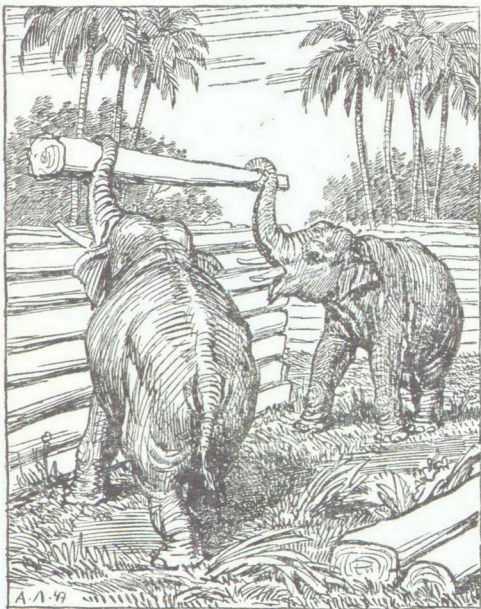
Пошли все домой: трое слонов и четверо ребят.

На другой день я уж расспросил, где можно слонов поглядеть на работе.

На опушке леса, у речки, нагроможден целый город тесаных бревен: штабеля стоят, каждый вышиной с избу. Тут же стоял один слон. И сразу видно было, что он уже совсем старик: кожа на нем совсем обвисла и заскорузла, и хобот, как тряпка, болтается. Уши обгрызенные какие-то. Смотрю, из лесу идет другой слон. В хоботе качается бревно — громадный брус обтесанный. Пудов, должно быть, во сто. Носильщик грузно переваливается, подходит к старому слону. Старый подхватывает бревно с одного конца, а носильщик опускает бревно и перебирается хоботом в другой конец. Я смотрю: что же это они будут делать? А слоны вместе, как по команде, подняли бревно на хоботах вверх и аккуратно положили на штабель. Да так ровно и правильно — как плотник на постройке. И ни одного человека около них.

Я потом узнал, что этот старый слон и есть главный артельщик: он уже состарился на этой работе.

Носильщик ушел не спеша в лес, а старик повесил хобот, повернулся задом к штабелю и

стал смотреть на реку, как будто хотел сказать: «Надоело мне это, и не глядел бы».

А из лесу идет уже третий слон с бревном.

Мы — туда, откуда выходили слоны.

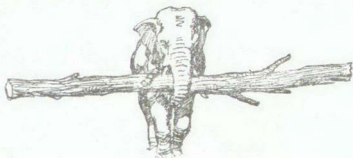
Прямо стыдно рассказывать, что мы тут увидели. Слоны с лесных разработок таскали эти бревна к речке. В одном месте у дороги два дерева по бокам, да так, что слону с бревном не пройти. Слон дойдет до этого места, опустит бревно на землю, подвернет колени, подвернет хобот и самым носом, самым корнем хобота толкает бревно вперед. Земля, камни летят, трет и пашет бревно землю, а слон ползет и пихает. Видно, как трудно ему на коленях ползти. Потом встанет, отдышится и не сразу за бревно берется. Опять повернет его поперек дороги, опять на коленки. Положит хобот на землю и коленками накатывает бревно на хобот. Как хобот не раздавит! Глядь, снова уже встал и несет. Качается, как грузный маятник, бревнище на хоботе.

Их было восемь — всех слонов-носильщиков, и каждому приходилось пихать бревно носом: люди не хотели спилить те два дерева, что стояли на дороге.

Нам неприятно стало смотреть, как тужится старик у штабеля, и жаль было слонов, что ползли на коленках.

Мы недолго постояли и ушли.

ДЛЯ ШКОЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мангуста	3
Про слона	17

Для младшего возраста

Ответственный редактор А. Гульбинская. Художественный редактор П. Суворов. Технический редактор В. Голубева. Корректоры М. Зубков и А. Браныч. Под. к печ. 15/II 48 г. 1 п. л. (0,93 уч.-изд. л.). 35 328 зн. в печ. л. Тир. 150 000 экз. А00958. Зак. № 21 Цена 60 коп.

Фабрика детской книги Детгиз. Москва, Сущевский вал, 49.

60694p

Цена 60 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПЕРВАЯ БИБЛИОТЕЧКА ШКОЛЬНИКА

В 1947 году вышли книги:

Андреев Л.	—	Кусана.
Гарин Н.	—	Тёма и Жучка.
Гаршин В.	—	Сигнал.
Дмитриева В.	—	Малыш и Жучка.
Куприн А.	—	Белый пудель.
Бажов П.	—	Зеленая кобылка.
Кассиль Л.	—	Федя из подплава.
Сказка „Сестрица Алёнушка и братец Иванушка“.		
Сказка „Финист — ясный сокол“.		
Сказка „Аладдин и волшебная лампа“.		
Сказки братьев Grimm.		
Андерсен Г.-Х.	—	Сказки.
Гауф В.	—	Маленький Мук.

В 1948 году выходят:

Пушкин А.	—	Песнь о вещем Олеге.
Некрасов Н.	—	Стихи.
Тургенев И.	—	Перепелка.
Гайдар А.	—	Р. В. С.
Толстой А.	—	Желтухин.
Пришвин М.	—	Журка.
Гюго В.	—	Гаврош

и другие произведения

